

III. Франко-прусская война. – Отношение к этой войне Интернационала. – Провозглашение во Франции республики. – Бакунин в Лионе

Между тем, на Европу в этот самый момент надвигались грозные события, которые нанесли Интернационалу смертельный удар. В июле 1870 года разразилась война между Францией и Германией. Эта война, столь желаемая Бисмарком и давно им подготовлявшаяся, была объявлена Наполеоном III и его либеральным министром Эмилем Оливье.

За несколько дней до объявления войны, когда уже стала ясна возможность этой войны, Парижская секция Интернационала в газете «Пробуждение» в номере от 12 июля поместила протест против готовящейся бойни; в этом протесте говорилось: «братья-немцы, во имя мира, не слушайте подкупленных или рабских голосов, стремящихся ввести вас в заблуждение относительно того, что делается во Франции. Будьте глухи к провокациям, ибо война между нами была бы братоубийственной бойней. Будьте спокойны, как подобает быть великому и сильному народу. Наше раздробление будет способствовать лишь торжеству деспотизма по ту и другую сторону Рейна».

В ответ на это воззвание Парижская секция получила из Берлина письмо, подписанное от имени берлинской секции Интернационала Густавом Квасневским; в этом письме говорилось: «воодушевленные братскими чувствами, мы протягиваем вам наши руки и громко заявляем, что в нашем сердце нет ни малейшей доли ненависти и что мы подчиняемся лишь грубой силе, которая принуждает нас вступить в ряды воинствующих банд, несущих с собою нищету и разорение».

21 июля немецкое правительство внесло в Рейхстаг на утверждение военный заем в 240 миллионов марок. Социалисты, члены Интернационала, Бебель и Либкнехт, воздержались от

голосования этого займа, заявив, что «они не могут голосовать за заём на военные нужды, потому что это значило бы оказывать доверие и одобрение прусскому правительству, но, что они также не могут голосовать и *против* этого займа, потому что такое голосование могло бы быть истолковано как одобрение преступной политики Бонапарта».

Вскоре после объявления войны Главный Совет Интернационала опубликовал манифест (написанный Марксом), в этом манифесте мы встречаем характерные для Маркса идеи. «*Со стороны Германии эта война является оборонительной*, говорилось в манифесте. Но кто поставил Германию в необходимость обороняться? Кто дал Бонапарту повод к объявлению войны? Пруссия... Если немецкий рабочий класс допустит, что настоящая война утратит своё оборонительный характер и выродится в войну против французского народа, победа или поражение будут в этом случае одинаково губельны для немецкого рабочего класса... В тени этой человекоубийственной бойни поднимается мрачная фигура России. Какова бы ни была симпатия немцев к войне, предпринятой против бонапартистского наступления, немцы предали бы себя, если они позволят прусскому правительству просить или принять помощь русских казаков».

Таким образом, Маркс от имени Главного Совета объявил войну по отношению Германии *оборонительной*, хотя прекрасно знал, что к этой войне стремился Бисмарк и всячески её провоцировал, чтобы обессилить Францию и помочь объединению и укреплению Германской империи. Маркс в душе боялся поражения Германии так как при этом исходе войны неизбежно увеличилась бы мощь России, которая воспользовалась бы разгромом Германии, чтобы отнять у неё часть немецкой Польши, а может быть и Восточную Пруссию.

В это же самое время французские интернационалисты, главным образом, парижские, горячо протестовали против братоубийственной войны. Они воспользовались войной для того, чтобы свергнуть монархию и вместе с республиканцами и радикалами повели энергичную борьбу против империи Наполеона. Эта борьба увенчалась успехом и 4 го сентября во Франции была провозглашена Республика. В то время, как радикалы и буржуазные республиканцы приступили к организации временного правительства, получившего название «правительства спасения Франции», французские рабочие интернационалисты стали готовить во Франции социальную республику, надеясь найти поддержку у немецких социалистов. Французские интернационалисты предполагали, что когда во Франции будет провозглашена социальная Республика, то немецкие рабочие, в свою очередь, свергнут монархию и война будет окончена.

К сожалению, предположения французских интернационалистов не оправдались. Немецкие рабочие не высказали никакого протеста против разгрома республиканской Франции, и немецкие войска подошли к самому Парижу и осадили его. Ниже мы коснёмся более подробно этих событий, а теперь снова перейдем к швейцарским делам.

Раскол в Романском Федерации продолжал разделять швейцарских интернационалистов на два враждебных лагеря, хотя многие из них понимали необходимость совместного действия. Так, представители юрских секций писали в своём органе «Солидарность»: «перед лицом совершающихся событий мы чувствуем как никогда острую необходимость восстановить единый союз между всеми интернационалистами Романской Швейцарии...

ввиду этого мы снова предлагаем женевским секциям объединиться с нами для совместного действия». На этот раз юрские секции предлагали женевским объединиться на чисто географическом принципе, оставляя каждой секции полную свободу и автономию. В газете «Солидарность» в номере от 20-го августа 1870 года по этому поводу была напечатана следующая статья:

«Географическое объединение»

Центральная секция в Веве решила присоединиться к фракции прежней Романской Федерации в Женеве. Это решение указывает, по нашему мнению, правильный путь для разрешения конфликта и этот путь может привести к соглашению все швейцарские секции.

Этот путь заключается в следующем:

«На конгрессе в Шо-де-Фоне интернационалисты разделились на две группы благодаря своим убеждениям благодаря тому, что они представляли две разных тенденции рабочего движения.

Первая группа, которая стояла за принятие в Федерацию женевской секции альянса, представляла собой течение коллективистское – революционное. Она состояла из людей большею частью прошедших школу Прудона, но освободившихся от его догматизма, стремившихся признавать социализм только научный и основанный на опыте, то есть социализм, порывающий связь со всякой системой *a priori*, социализм народный, живой, действующий, а не абстрактный и доктринёрской. Наиболее характерной чертой этого течения является – антиавторитарный дух: отрицание всякой власти и стремление к новому обществу, в котором свобода каждого была бы ограничена лишь солидарностью всех. Кроме того, интернациональные тенденции или, говоря другими словами, антинациональные тенденции были не менее резко выражены в этом течении, чем тенденции антиавторитарные. Представители этого течения предполагали, что в будущем Европа будет состоять не из федерации различных наций, политически организованных в республики, но как простая федерация рабочих союзов без всякого различия по национальностям.

Что касается второго течения, то характеризовать его представляется более трудным делом, так как представители этого течения стараются не формулировать свои взгляды, предпочитая заявлять, что они не разделяют нашу точку зрения.

Большая часть второй группы состоит из женевских рабочих, бывших раньше простыми радикалами. Мы, конечно, не ставим их прежний радикализм им в вину и не считаем это за преступление, мы хотим лишь указать, что их прежние верования наложили известный отпечаток и на их социализм. К этой группе женевцев-радикалов присоединилась другая группа – партия куллеристов из Шо-де-Фона, партия анти-радикальная и умеренная. Каким образом можно объяснить такое объединение? По нашему мнению, такой союз возможен был только потому, что ни та, ни другая группа не были революционными по своей сущности; та и другая были *кооператорами* и, больше того, патриотами, *националистами*.

Мы должны добавить, однако, что в обеих группах можно было найти в виде редких исключений и некоторых революционеров: но они были очень немногочисленны.

Если бы противоположное нам течение объединяло бы в себе только две названные группы, то положение дела не было бы таким запутанным; каждому было бы ясно в какой лагерь ему стать, потому что с одной стороны он видел бы революционеров, а с другой стороны – умеренных, кооператоров и патриотов. Но, к несчастью, дело усложнялось тем, что ко второй группе примешивались действительно революционные элементы.

Рядом с большинством умеренных мы встречаем во второй группе небольшую фракцию революционеров, правда, понимающих революцию несколько иначе, чем мы: в то время как ваш социализм являлся ан-архическим и народным, их социализм был авторитарным в доктринёрским. Нам возразят представители этого течения, что мы клеветаем на них, но сами они в своих статьях и речах постоянно поддерживают такие взгляды.

Среди этих революционеров есть французы, немцы и русские; почти все они коммунисты, французы принадлежат большей частью к школе Бланки[54], или же, если они и не называют себя последователями Бланки, то, тем не менее, исповедуют принципы близкие бланкизму. Немцы – все коммунисты школы Маркса, а русские коммунисты последователи Чернышевского.

Таким образом, в Романской Федерации столкнулись между собой два течения: с одной стороны, течение ан-архическое, народный социализм, коллективизм, а с другой стороны – огромная масса, людей исповедовавших умеренные идеи социальных реформ и незначительное меньшинство революционеров-социалистов, но социалистов авторитарных, доктринёров и коммунистов[55].

Таковы были две группы, разделившиеся на конгрессе в Шо-де-Фоне и оспаривавшие друг у друга право называться Романской Федерацией Интернационала.

Благодаря такому расколу на две группы все истинные социалисты не могли свободно вести среди рабочих пропаганду, так как та и другая группа препятствовала друг другу в этом отношении и взаимно предавали друг друга проклятию. Интересы рабочего дела требуют, чтобы из создавшегося положения был найден какой-либо выход и вот почему секция в Веве предлагает свой план.

Секция в Веве предлагает враждующим сторонам оставить в стороне свои убеждения и идеи, а принять как основу обвинения просто географические условия. Группироваться следует не по идеям и мнениям, а по месту нахождения секций. Все секции, находящиеся в данной местности, приглашаются федерироваться, при чём каждая из них сохраняет за собой право иметь те или иные идеи и убеждения, и свободно пропагандировать их...».

К такому разрешению большого вопроса отнеслись сочувственно очень многие юрские секции и среди юрских интернационалистов был поднят вопрос об организации особой Юрской федерации, которая и должна была федерироваться с Романской Федерацией,

чтобы совместно продолжать пропаганду социализма в Швейцарии.

Между тем, в то время, как юрцы изыскивали способы объединения и стремились идти на уступки, представители прежнего Федерального Комитета Романской Федерации в Женеве продолжали свою политику вражды и в мае месяце по настоянию Утина Женевская секция Интернационала назначила суд над Бакуниным, Жуковским, Перроном и Генри Сутерландом.

Каждому из обвиняемых было разослано письмо следующего содержания:

«Женева, 13-го мая 1870 года. Гражданин! Вы приглашаетесь на общее собрание центральной секции, имеющее быть 15-го мая, для подачи объяснений о фактах, имевших место на конгрессе в Шо-де-Фоне».

Во избежание скандала ни один из обвиняемых не явился на общее собрание, зная, что Утин постарается облить их грязью. Так и случилось. Собрание, выслушав Утина и его товарищей, обвинило Бакунина и его друзей в том, что они, состоя членами центральной женевской секции Интернационала, принадлежали в то же время к организации, враждебной центральной секции; на основании этого собрание постановило исключить Бакунина, Жуковского, Перрона и Сутерланда из членов женевской секции Интернационала. Однако категорического решения секция не приняла и дело оставалось невыясненным в течение июня и июля. Наконец, в начале августа обвиняемые получили новое извещение следующего содержания:

«Гражданин! настоящим Вы приглашаетесь на собрание центральной секции, имеющим быть в субботу 13-го Августа. Считаю нужным довести до вашего сведения, что на собрании будет прочитано письмо, в котором требуется исключение вас из секции».

Получив такое извещение, Бакунин тотчас послал из Локарно, где он жил письмо следующего содержания:

«Гражданин председатель! Я только получил Ваше письмо, в котором Вы меня приглашаете на собрание секции и уведомляете, что на собрании будет прочитано письмо, где требуется моё исключение из секции, – не сообщая, однако какие члены секции адресовали Вам это письмо.

Я счастлив, что наконец-то приближается день, когда мне будет дана возможность разбить всех моих клеветников.

К сожалению, мои дела не дают мне возможности приехать в Женеву в назначенный день или даже в ближайшее время. Я вынужден оставаться в Локарно. Но, что нельзя сделать

устно, то я постараюсь сделать письменно, тем более, что и мои противники сами начали дело неличным выступлением, а при помощи письма.

Я вас очень прошу, гражданин председатель, благоволить прислать мне немедленно копию – полученного вами письма с подписями моих обвинителей. Получив его, я постараюсь немедленно ответить на него и пусть избранный товарищеский суд разберёт наше дело.

С братским приветом

М. Бакунин».

Конечно, председатель секции, получив письмо Бакунина, не подумал исполнить просьбу Бакунина и Бакунин не мог поневоле дать ответ на все пункты обвинительного письма.

Бакунин написал письмо Жуковскому, жившему в Женеве, и просил его явиться на собрание секции 13-го августа вместе с Перроном, Броссе, и другими друзьями и потребовать копию с обвинительного письма, выдачу фамилий лиц, приславших письмо и назначение товарищеского суда.

Жуковский и его коллеги, зная, что вс равно их исключение уже предрешено и что борьба бесполезна, решили не являться на собрание секции. Действительно дело было устроено так, что собрание без всяких прений и обсуждений постановило исключить Бакунина, Жуковского и их товарищей. 18-го августа секретарь секции послал Жуковскому письмо следующего содержания:

«Женева 18-го августа 1870 года. Гражданин Жуковский! согласно постановлению общего собрания секции состоявшегося 13-го августа, мне поручено сообщить вам, что вы исключены из членов Центральной Секции Международного товарищества Рабочих».

Таким образом, Утин и его друзья одержали победу над Бакуниным, и Романская Федерация осталась в их руках. Между тем приближался сентябрь, когда было назначено собрание общего конгресса Интернационала. Как известно, Базельский конгресс постановил, что общий конгресс Интернационала должен собраться в 1870 году в Париже. Однако разразившиеся события не дали возможности собраться Интернационалистам в Париже. Тогда Главный Совет избрал было местом конгресса город Майнц (Германия), но ввиду военного положения открытие конгресса в Майнце также было невозможно. Тогда решено было перенести конгресс в Амстердам (Голландия). Но, благодаря тому, что Германия и Франция были заняты войной и что на конгрессе преобладание могли взять швейцарцы, бельгийцы, испанцы и итальянцы, то есть те элементы, которые в общем не разделяли точку зрения Маркса. Маркс, решил не созывать конгресс. Вот что он писал в Женеву Беккеру:

«Конгресс не может собраться ни в Амстердаме, ни в Майнце; лучше его совсем не созывать. Германия, за недостатком денежных ресурсов, не могла бы послать на конгресс достаточное количество делегатов; французские секции распущены; благодаря этому лучше не созывать конгресса, чтобы избежать опасности чтобы известные агенты снова не получили бы на конгрессе *искусственное большинство* (majorité factive); ибо для действий подобного рода они умеют всегда находить ресурсы; откуда? *это их секрет...* Бакунин имеет в лице центрального комитета бельгийских секций верное орудие; наши русские друзья в Женеве, и в частности Утин, должны следовательно, предпринять поход против Бакунина, опубликовав полемическую брошюру».

Между тем общее политическое положение Европы было крайне тревожно. Война между Францией и Германией разгоралась. Немецкие войска одерживали победу за победой над войсками Наполеона. Наконец, 2-го сентября под Седаном немцы взяли в плен самого императора Французов. Положение для Франции с каждым днём ухудшалось. Видя полное бессилие Империи защитить Францию от внешнего врага, французы подняли знамя восстания и 4-го сентября провозгласили республику. Как только весть об этом дошла до Швейцарии редакционный комитет «Солидарности» опубликовал следующий манифест – обращение ко всем секциям Интернационала:

Манифест к секциям Интернационала.

«Французская Империя погибла в крови и в бесславии. Республика провозглашена. Французский народ стал хозяином своих судеб.

Между тем, король Прусский продолжает свою войну против Франции. Эта война ведётся теперь не против императора, но против независимости французского народа.

В подобных обстоятельствах обязанность всех социалистов и всех честных людей ясна.

Республиканская Франция олицетворяет свободу Европы, монархическая Германия, представляет деспотизм и реакцию. Необходимо, следовательно, чтобы республиканцы всех стран встали на защиту республиканской Франции.

Интернационалисты! на нас лежит обязанность дать сигнал движению. Объединимся и вооружимся все, и выступим волонтерами свободы и равенства, чтобы бороться рядом с нашими братьями французами.

Дело французской республики – это дело европейской революции, и теперь наступил момент пролить нашу кровь за освобождение рабочих и всего человечества.

Интернационалисты Германии!

До настоящего момента ваше отношение к войне не могло быть иным, как только пассивным. Но теперь ваша роль должна перемениться. Ваша священная обязанность – протянуть руку помощи вашим французским братьям и помочь им раздавить общего врага.

Общий враг – это военная мощь Пруссии

Восстаньте-же во имя Республики и пусть в Берлине и Париже будут только объединённые братья, стоящие под одним и тем же знаменем и ведущие одну и ту же борьбу.

Интернационалисты Швейцарских секций!

Созывайте немедленно народные собрания; ведите усиленную пропаганду наших идей, организуйтесь, открывайте подписку на денежные сборы, требуйте оружия для добровольцев...

Интернационалисты всего мира!

Мы видим зарю нового дня, дня торжества справедливости.

Да здравствует всемирная

Социальная Революция!

Невшатель. 5-го сентября 1870. г.».

Этот манифест был встречен очень холодно женевскими секциями. Через неделю после появления манифеста в газете «Солидарность», Утин поместил статью в газете «Равенство», которая считалась органом Романской Федерации. Свою статью Утин озаглавил: «Манифест мистификатора».

В этой статье Утин, между прочим, писал: «мы смотрим на этот манифест как на детское произведение каких-нибудь старых или юных школьников, а, может быть, этот манифест принадлежит перу какого-нибудь шутника, или же полного невежды...»

Однако, почти в это же время Центральный Комитет Рабочей социал-демократической немецкой партии в Брауншвейге со своей стороны, издал манифест к немецким рабочим, где высказывались те же идеи, что и в манифесте, опубликованным «Солидарностью». «После двадцати лет существования постыдной второй империи, говорилось в манифесте немецких соц.-демократов, французский народ поднялся и взял в свои руки свою судьбу... Обязанность немецкого народа – обеспечить Французской республике почётный мир и немецкие рабочие должны заявить, что они не потерпят никакого поругания по отношению к французскому народу после того, как он освободился навсегда от позора, нарушавшего его мир...»

Сам Маркс выражался ещё энергичнее и сильнее по этому поводу. В манифесте Главного Совета от 9 сентября 1870 года разосланном всем секциям Интернационала, Маркс

призывал секции к действию: «Пусть секции Международного Товарищества Рабочих во всех странах призывают и побуждают рабочих к деятельности. Если они не выполняют этой своей обязанности, если они останутся пассивными, – ужасная настоящая война будет в этом случае предтечей ещё более ужасной и кровопролитной международной бойни, и она приведёт к торжеству и усилению власти обладателей сабли, земли и капитала в ущерб рабочим. Да здравствует Республика».

Но, что в устах Маркса было непогрешимой истиной, то в устах его противников являлось или ересью, или ребяческой глупостью. Таково было ослепление фракционной враждой.

События во Франции после 4-го сентября быстро развивались; немцы продолжали двигаться по направлению к Парижу. Бакунин, хотя и чувствовал себя не совсем здоровым и неспособным на роль руководителя в борьбе, решил тем не менее уехать во Францию. В своём письме от 6-го сентября к своему другу Адольфу Фохту, Бакунин писал: «мои друзья, лионские социалисты-революционеры, зовут меня в Лион. Я решил переправить туда свои старые кости и сыграть там, возможно, свою последнюю роль...» 11-го сентября Бакунин приехал в Невшатель, где печаталась в это время его брошюра «Письмо к французу». 12-го сентября Бакунин был уже в Женеве, откуда в сопровождении своего друга Озера и одного молодого поляка Ланкевича, отправился в Лион.

В это время в Лионе во главе общественного управления стоял «Комитет Общественного Спасения», в состав которого входило несколько интернационалистов. Вскоре Комитет Общественного Спасения был распущен и заменён Муниципальным Советом, состоявшим в огромном большинстве из буржуазных республиканцев. Среди республиканцев были и тайные монархисты, старавшиеся подорвать доверие к республике и посеять в народе вражду.

Приехав в Лион, Бакунин прежде решил объединить вокруг себя социалистов-революционеров, чтобы создать сильную социалистическую партию, способную противостоять всем контрреволюционным попыткам со стороны буржуазных элементов. На большом народном собрании 17 сентября было решено образовать «Центральный Комитет Спасения Франции». В состав этого комитета вошли социалисты и революционеры, друзья Бакунина. (Сам Бакунин, как иностранец, в члены Комитета не вошёл).

24-го сентября состоялось новое большое народное собрание, на котором были приняты резолюции относительно замены всех старых офицеров в армии выбранными начальниками и относительно передачи укреплённых фортов национальной гвардии. Ввиду назревавшей реакции решено было произвести несколько арестов подозрительных лиц и попытаться захватить помещение городского Совета. 26-го сентября состоялось новое собрание, на котором был прочитан и принят следующий революционный манифест:

«Французская Республика».

Революционная Федерация Коммун.

Гибельное положение, в котором находится Франция, бессилие официальной власти и безразличное отношение привилегированных классов привели французскую нацию на край гибели.

Если народ, организовавшись революционным образом, не поспежит спасти себя, его будущее обречено на гибель, Революция также должна будет погибнуть. Сознывая всю чрезмерность опасности и принимая во внимание, что народное действие должно начаться без малейшего промедления, делегаты федеральных комитетов Спасения Франции, объединившись в Центральный Комитет, предлагают принять немедленно следующие постановления:

Французский народ становится сам хозяином своей судьбы.

Статья 2. Все уголовные и гражданские суды уничтожаются и заменяются Народным судом.

Статья 3. Уплата налогов и процентов по закладным на недвижимость аннулируется. Налоги заменяются контрибуцией, взимаемой федерированными Коммунами с богатых классов, пропорционально потребностям на нужды для спасения Франции.

Статья 4. Государство, будучи уничтоженным, не имеет более права вмешиваться в дела долговых обязательств между частными лицами.

Статья 5. Все существующие муниципальные учреждения распускаются и заменяются во всех федерированных коммунах Комитетами Спасения Франции, которые должны функционировать под непосредственным контролем самого народа.

Статья 6. Каждый Комитет Спасения Франции, находящийся во главе департамента, посылает из своей среды двух делегатов в революционный Конвент Спасения Франции.

Статья 7. Этот Конвент должен будет собраться в здании Лионской Городской Думы, так как Лион, являясь вторым городом Франции, должен стать во главе защиты страны.

Конвент, опираясь на народные массы, спасет Францию.

К оружию!

Е-Б. Сэнь, Ривьер, Девилль, Ражон, Франсуа Фавр, Луп Паликс, В. Пласэ, Блан, Бовуар, Альбер Ришар, Бишоф, Дублэ, Буррон, М. Бакунин, Парратон, Гильерме, Куанье, Пюльья, Латур, Гилью, Савиньи, Жермэн, Шавре, Бастелика, Дюпэн и Нарцисс Барре».

Как мы видим, этот манифест был подписан и Бакунин.

Манифест был отпечатан в срочном порядке. 28-го сентября решено было захватить городскую Думу. В полдень 28-го сентября тысячи манифестантов стали стекаться со всех сторон на площадь Терро. В Городскую Думу была послана делегация из 16 человек рабочих с требованием увеличить заработную плату с 2½ франков до 3-х в день. Вскоре среди

манифестантов появился вооруженный отряд, среди которого был Бакунин, Парратон, Бастелика и некоторые другие члены Комитета Спасения Франции. Этот отряд, под командой Сэня, разбил двери Городской Думы и занял зал заседаний городского совета. Члены Комитета Спасения Франции объявили, что Городской Совет считается распущенным, и власть переходит временно в руки революционного Комитета Спасения Франции. Некоторые члены Комитета приступили к составлению революционных приказов и декретов. Напрасно Бакунин и некоторые другие члены Комитета говорили: «нужно действовать, мы теряем время и можем упустить благоприятный момент... Необходимо воспрепятствовать захвату городской думы буржуазной национальной гвардией, необходимо сейчас же арестовать префекта, городского голову, генерала Мазюра, командующего правительственными войсками» Но, этих речей не слушали.

Действительно, представители власти тотчас же отдали приказ собраться частям национальной гвардии и двинуться к городской думе. Революционный Комитет, считая, что сопротивление бесполезно, вошёл в переговоры с представителями прежнего правительства и очистил вскоре городскую думу. Бакунин, видя, что попытка закончилась полной неудачей, решил уехать немедленно в Марсель. Покидая Лион, он написал своему другу Паликсу следующее письмо[56]:

«Мой дорогой друг! Я не хочу уехать из Лиона без того, чтобы не сказать тебе мое последнее прощание. Благоразумие не позволяет мне прийти лично к тебе и пожать твою руку в последний раз. Мне нечего больше здесь делать. Я приехал в Лион для того, чтобы бороться вместе с вами и, если нужно, умереть с вами. Я приехал сюда потому, что я был глубоко убеждён, что дело Франции в этот великий час является делом всего человечества.

Я принял участие во вчерашнем движении, и я подписался под постановлениями Комитета Спасения Франции потому, что для меня очевидно, что после фактического и действительного разрушения всей административной и правительственной машины, главная роль принадлежит непосредственному и революционному выступлению самого народа, которое одно только может спасти Францию... Вчерашнее движение, если бы оно восторжествовало могло бы спасти Лион и Францию... Я покидаю Лион, дорогой друг, с сердцем полным печали и мрачных предчувствий. Я думаю, что будет сделано с Францией... Она станет немецким вице-королевством.

Вместо французского социализма, живого и реального, мы будем иметь доктринёрский социализм немцев, которые не скажут ни слова больше того, что позволяет сказать им прусские штыки. Бюрократическое и военное умение Пруссии, соединенное с царском кнутом Петербургского правительства, обеспечат спокойствие и порядок, по меньшей мере, на пятьдесят лет на всём континенте Европы. Прощай свобода, прощай социализм, справедливость для народа и торжество человечности. Всё это могло бы быть; всё это было бы, если бы французский народ и лионские рабочие захотели осуществить это».

Интересно отметить здесь отношение Главного Совета Интернационала, т. е. Маркса, к Лионскому движению. В своём письме к профессору Бисли от 19-го октября 1870 года

Маркс, между прочим, писал по поводу Лионских событий следующее:

«Вначале всё шло хорошо. Под давлением интернациональной секции Республика была провозглашена в Лионе раньше, чем в Париже. В Лионе была провозглашена *Коммуна*, в состав правительства которой вошла часть рабочих, членов Интернационала, и часть радикалов-буржуа... Но ослы, Бакунин и Ключере, прибыв в Лион, испортили всё дело. Принадлежа оба к Интернационалу, они пользовались, к несчастью, довольно сильным влиянием, чтобы ввести в заблуждение наших друзей. Городская Дума была взята только на один момент и были изданы довольно смешные декреты об *уничтожении Государства*. Вы понимаете, что присутствие одного только русского – которого буржуазные газеты называют агентом Бисмарка – претендующего стать во главе Комитета Спасения Франции было вполне достаточно, чтобы изменить совершенно общественное мнение. Что касается Ключере, он вёл себя как идиот и как подлец. Оба они покинули Лион как только потерпели неудачу»[57].

Позднее, в своём памфлете, вышедшем в 1873 году, «*Альянс социалистической демократии*», Маркс ещё резче писал по поводу участия Бакунина в Лионском восстании:

«Революционное движение в Лионе разразилось. Бакунин тотчас же приехал, чтобы соединиться со своим лейтенантом Альбер Ришаром и со своими сержантами Бастелика и Гаспаром Бланом. 28-го сентября, в день приезда Бакунина[58], народ захватил городскую думу. Бакунин устроил здесь своё местопребывание: таким образом для Бакунина наступил критический момент, момент, которого он ожидал целые годы, когда Бакунин мог выполнить акт наиболее революционный, когда-либо виденный миром: он декретировал *уничтожение Государства*. Но, государство, в виде двух отрядов буржуазной национальной гвардии, вошло в дверь, которую забыли запереть, и очистило зал, заставив Бакунина собраться в обратный путь в Женеву»[59].

В этих словах, продиктованных злобой и ненавистью, Маркс старается уменьшить роль Бакунина в Лионском восстании и, желая показать, что инициатива в этом движении принадлежит не Бакунину, говорит, что Бакунин приехал в Лион в самый день восстания, 28 сентября, и просто примкнул к движению, тогда как на самом деле Бакунин приехал в Лион 15-го сентября и ещё до этого письменно из Швейцарии вдохновлял своих лионских друзей и указывал, что следует делать и где искать выход. Бакунин не воспользовался занятием Городской Думы, а сам, во главе отряда своих друзей брал Городскую Думу, и после занятия её не уселся за составление декрета «об уничтожении государства», а, наоборот, призывал к организации дальнейшей борьбы, упрекая Комитет в том, что тот теряет время на составление революционных декретов и распоряжений.

Версия #2

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 22 июня 2025 00:17:02

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 24 августа 2025 19:13:36